

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»
Кафедра государственного управления и уголовно-правовых дисциплин
Факультет экономики и права
Совет молодых учёных учреждения образования «Барановичский
государственный университет»
Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Сборник материалов
II Международной
научно-практической конференции

(Барановичи, 12—13 мая 2016 года)

Под научной редакцией
кандидата юридических наук, доцента М. В. Андрияшко

Барановичи
БарГУ
2016

Рассматривается генезис и пути совершенствования уголовной политики Республики Беларусь; проведён анализ конституционных основ уголовной политики, а также таких направлений, как административно-правовые и социально-гуманитарные аспекты уголовной политики; определены актуальные тенденции уголовно-исполнительной политики; освещены современные проблемы эффективной борьбы с преступностью в аспекте уголовно-процессуального законодательства; исследованы основы обеспечения безопасности человека, общества и государства в юридическом и экономическом аспектах.

Изложены результаты собственных исследований авторов, а также внесены предложения, направленные на совершенствование законодательства Республики Беларусь в области уголовной политики.

Адресуется специалистам органов государственного управления, обучающимся (студентам, магистрантам, аспирантам), преподавателям учреждений высшего образования, а также всем заинтересованным лицам.

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» Т. С. Таранова,
доктор исторических наук, профессор, учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» В. А. Ананич

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 343.2

Е. С. Бородулькина

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, Минск*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ К ЛИЦАМ, ОСВОБОЖДАЕМЫМ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ (ЗАБОЛЕВАНИЕМ)

Введение. В целях реализации уголовной политики по эффективному противодействию преступности наряду с наказанием как одним из видов правовых последствий совершённого преступления необходимо учитывать также иные меры уголовно-правового воздействия, к числу которых относятся принудительные меры безопасности и лечения. Как показал анализ правоприменительной практики, существует ряд проблемных аспектов применения принудительных мер безопасности и лечения к лицам, освобождаемым от наказания в связи с психическим расстройством (заболеванием).

Основная часть. Часть первая статьи 92 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) устанавливает, что лицу, которое освобождается от отбывания наказания в связи с психическим расстройством (заболеванием), могут быть назначены принудительные меры безопасности и лечения (далее — ПМБЛ) [1].

Комплексный анализ данных судебной практики Суда Центрального района г. Минска в части освобождения от наказания по части первой статьи 92 УК свидетельствует о том, что, несмотря на то, что норма предоставляет не обязанность, а право для суда назначить освобождаемому лицу ПМБЛ, во всех изученных случаях освобождения в связи с психическим расстройством (заболеванием) такие меры были назначены.

В соответствии с пунктом 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 марта 2013 г. № 1 «О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве» применение к лицу ПМБЛ не предусмотрено лишь в том случае, если оно по своему психическому состоянию и с учётом характера совершённого деяния не представляет опасности для общества. Для вынесения решения суд обязан оценивать характер психического расстройства (заболевания), склонность лица в связи с этим к совершению насильственных действий в отношении других лиц или причинению вреда самому себе, к совершению иных общественно опасных действий, подверженность асоциальному влиянию со стороны других лиц.

В проанализированных нами материалах суд назначал самый жёсткий вид ПМБЛ — принудительное лечение в психиатрическом стационаре со строгим наблюдением, которое предполагает, что психическое состояние лица и характер совершённого им общественно опасного деяния представляют для общества особую опасность (пункта 4 статьи 102 УК). Под особой опасностью, являющейся отличительной чертой данного контингента больных, в соответствии с научной доктриной и сложившейся практикой следует понимать высокую степень вероятности совершения новых преступлений [2, с. 138]. Поэтому принудительное лечение в психиатрическом стационаре со строгим наблюдением включает в себя помещение в психиатрический стационар, где исключена возможность совершения лицом нового общественно опасного деяния (пункта 5 статьи 102 УК) и его побега.

После того, как лицу назначена конкретная принудительная мера, УК предусматривает необходимость проведения освидетельствования освобождённых лиц врачебно-консультационной комиссией врачей-специалистов в области оказания психиатрической помощи (далее — ВКК). Освидетельствование проводится не реже одного раза в шесть месяцев, по результатам которого выносится решение относительно возможности прекращения судом ПМБЛ или изменения их вида (статья 103 УК).

Рассмотрим пример из судебной практики.

Гражданин В., осуждённый в 2004 г. по части второй статьи 139 УК на срок 20 лет лишения свободы, был освобождён от наказания по части первой статьи 92 УК с применением ПМБЛ в виде «принудительного лечения в психиатрическом стационаре со строгим наблюдением». В 2007 г. согласно заключению ВКК освобождённый мог быть переведён на «принудительное лечение в психиатрическом стационаре с обычным наблюдением», поскольку «особой социальной опасности»

не представлял. Суд отказал в изменении ПМБЛ, мотивировав решение тем, что лицо представляет социальную опасность для окружающих, совершило особо тяжкое преступление и отбыло незначительный срок наказания. В 2008 г. при повторном обращении ВКК суд удовлетворил ходатайство, согласившись с врачами-специалистами в том, что лицо по своему психическому состоянию не представляет опасности для общества. В 2010 г. ВКК ходатайствовала, чтобы больному назначили принудительное амбулаторное наблюдение и лечение у врача-специалиста, поскольку «лицо по своему психическому состоянию не нуждается в стационарном содержании». Однако суд отказал в изменении ПМБЛ, мотивировав отказ формулировкой, которая была им дана в 2007 г. при отказе в лечении больного в психиатрическом стационаре [3].

На представленном примере рассмотрим некоторые противоречия между правоприменительной практикой и законодательными установлениями. Например, суд не всегда удовлетворяет ходатайство психиатрической больницы в части прекращения ПМБЛ или изменения их вида, однако «непрозрачны» критерии, которыми он руководствуется.

В частности, нельзя считать достаточно обоснованным отказ суда в изменении ПМБЛ в отношении гражданина В. в 2010 г., ссылаясь при этом на наличие социальной опасности лица. В тот момент лицо находилось в психиатрическом стационаре с обычным наблюдением, вместе с тем при данном виде ПМБЛ не стоит задача создания условий, которые исключают возможность совершения лицом нового общественно опасного деяния, а значит, предполагается, что социальная опасность лица отсутствует. Получается, суд не мог отказать в изменении ПМБЛ с такой формулировкой.

При рассмотрении проблемы применения ПМБЛ к лицам, заболевшим психическим расстройством после совершения преступления, обращает на себя внимание исследование В. В. Дукорского и Е. И. Скугаревской, которые приходят к выводу о том, что ситуация, когда ВКК приходит к заключению о нецелесообразности продления стационарного лечения, а суд решает его продлить, является типичной [4]. Приводится модель усреднённого ходатайства ВКК в суд, которая выглядит так: «...пациент освидетельствован комиссией, которая установила, что в результате проведённого лечения психическое состояние значительно улучшилось и стабилизировалось; наступило такое изменение характера заболевания, при котором отпадает необходимость в продолжении ПМБЛ в психиатрической больнице (отделении) с усиленным (строгим, обычным) наблюдением и пациент нуждается в продолжении ПМБЛ в психиатрической больнице (отделении) с обычным наблюдением...». Далее они проанализировали постановления суда, в которых было отказано в изменении вида ПМБЛ, и отказ в обобщённом виде выглядит следующим образом: «...заключение врачей не содержит обоснования о снижении общественной опасности пациента и обоснованных выводов о риске совершения повторных насильственных действий. Также не содержится данных, представляет ли он опасность для окружающих в настоящее время. Как видно из судебно-психиатрической экспертизы и медицинских документов, психическое состояние пациента не изменилось. А улучшение поведения в больнице не даёт основания для прекращения данного вида ПМБЛ...» [5].

Исследованные нами материалы подтверждают выводы о том, что психиатры не включают в ходатайства оценку риска повторного совершения преступления, а при повторном обращении ВКК оценка риска также отсутствует.

Обозначенная ситуация свидетельствует о том, что врачи-специалисты испытывают затруднения при осуществлении прогноза опасности пациента. Мы солидарны с учёными в том, что нуждаются в разработке факторы риска, которыми бы руководствовались психиатры и суд при изменении вида ПМБЛ [6]. Они в обязательном порядке должны будут отражаться в постановлении и влиять на принятие судом решения.

Ещё одним недочётом судебной практики является отсутствие единого подхода к уголовно-правовым критериям, которыми руководствуется суд при изменении ПМБЛ.

В УК указано, что необходим учёт характера совершённого общественно опасного деяния, однако ничего не сказано об упоминаемом в постановлениях «незначительном сроке отбытого наказания». Помимо срока, судом используется признак «личность осуждённого». Суд неоднократно необоснованно прибегает к использованию данных критериев, несмотря на то, что при выборе вида ПМБЛ он должен руководствоваться лишь теми критериями, которые определены в уголовном законе.

Заключение. В целях обеспечения единообразного и правильного применения положений уголовного закона при назначении, изменении и отмене ПМБЛ к лицам, освобождаемым от наказания в случае психического расстройства (заболевания), предлагаем следующее: назначение лицу конкретной меры принудительного лечения должно быть основано на единых критериях, установленных в уголовном законодательстве; для эффективной работы ВКК и судов, принимающих окончательное решение о применении принудительного лечения, необходимо разработать унифицированную систему методов оценки риска совершения лицом повторного общественно опасного деяния.

Список цитируемых источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

2. Дукорский В. В., Балашов А. Д. Реализация принудительных мер безопасности и лечения // Мед. журн. 2013. № 3. С. 136—139.
3. Уголовное дело № 13-33/10 // Арх. Суда Центр. р-на г. Минска за 2010 г.
4. Дукорский В. В., Скугаревская Е. И. Оценка риска насилия как актуальная проблема отечественного механизма реализации принудительных мер безопасности и лечения [Электронный ресурс] // Упр. Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь по Могилёв. обл. URL: <http://sudmed.mogilev.by/otsienka-riska-nasiliiia-u-lits-s-psikhichieskimi-rasstroistvami.html> (дата обращения: 05.01.2016).
5. Там же.
6. Там же.

УДК 342.924/343.244

С. Г. Василевич,
кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет, Минск

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ НОРМ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА — ВАЖНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА НОРМОТВОРЧЕСТВА

Введение. Идеальной является ситуация, когда правовые нормы, имеющие отношение к различным отраслям, сбалансированы и находятся в гармонии друг с другом, тем более это важно, когда речь идёт о юридической ответственности.

Основная часть. Законодателем определены деяния, совершение которых запрещено под угрозой привлечения к уголовной или административной ответственности. Конкретный перечень таких деяний изложен в диспозициях соответствующих статей Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) и Кодекса об административных правонарушениях (далее — КоАП). Эти деяния в зависимости от степени общественной опасности определены либо в КоАП, либо в УК. Заметим, что в научной литературе многие авторы полагают, что административным правонарушениям не присуща общественная опасность, что они только вредны (но не опасны) для общества. С этим нельзя согласиться: административные и уголовные правонарушения различаются по степени общественной опасности и соответственно влекут различные меры ответственности. В подтверждение нашей позиции обратим внимание на содержание части первой статьи 1 УК. УК определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, закрепляет основания и условия уголовной ответственности, устанавливает наказания и иные меры уголовной ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим преступления, а также принудительные меры безопасности и лечения в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния. Таким образом, анализ этой статьи свидетельствует о наличии общественной опасности и у некоторых иных правонарушений, например, административных. Обратимся к двум аспектам, касающимся УК и КоАП.

Во-первых, необходимо отметить, что в УК содержатся статьи, ответственность по которым может наступить, если лицо ранее привлекалось к административной ответственности. Таковым является совершение уголовно наказуемого деяния, не представляющего большой общественной опасности, если гражданин совершил новое правонарушение в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение (статья 32 УК). Акцентируем внимание на фразе: «в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение». А теперь обратимся к КоАП, статье 2.8 которого предусмотрено, что физическое или юридическое лицо считается не подвергавшимся административному взысканию, если в течение одного года со дня окончания исполнения основного и дополнительного административных взысканий не совершит нового административного правонарушения.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод: имеет место явное противоречие норм КоАП и УК. На практике встречаются случаи, когда с точки зрения КоАП лицо, совершившее противоправное деяние, ещё может быть привлечено к уголовной ответственности, поскольку им совершено уголовно наказуемое деяние с административной преюдицией, а с точки зрения УК соответствующий срок уже пропущен. В КоАП, как и в УК, систематически вносятся изменения и дополнения, однако, к сожалению, изложенная выше коллизия между нормами не устранена.

В этой связи автором предлагается следующая редакция статьи 32 УК «Административная или дисциплинарная преюдиция»: в случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года со дня окончания исполнения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение.